

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

† Академикъ живописи Н. Д. КУЗНЕЦОВЪ

Въ Босніи, въ полумусульманскомъ Сараевѣ, скончался академикъ живописи Николай Дмитриевичъ *Кузнецовъ*, одинъ изъ большихъ, очень большихъ русскихъ художниковъ.

Красочна, необыкновенно красочна была его жизнь. Уголь непочатый отпущенъ былъ ему всего. Яркая внѣшность знаменитаго въ свое время красавца съ южными, прекрасными глазами. Мощное здоровье, колоссальная физическая сила, большое состояніе, древній родъ, записанный въ шестую книгу, и талантъ, талантъ съ чудесною техникой и бездною вкуса!

Самобытенъ былъ Кузнецовъ, какъ человѣкъ. и такъ же самобытна была его художественная карьера.

Только уже въ зрѣлыхъ годахъ, крупнымъ помѣщикомъ юга Россіи, почувствовалъ онъ влеченіе къ живописи.

И хотя это были первые шаги, хотя не было еще «школы», но уже ослѣпительно ярко горѣли краски.

Кто-то посоветовалъ Кузнецову пройти курсъ Императорской Академіи Художествъ. Но барскій диллетантизмъ какъ-то плохо уживался съ муштровкою гипсовыхъ и натуральныхъ классовъ. Да и въ сущности Кузнецову незачѣмъ и не у кого было учиться.

Лучшимъ учителемъ его была природа. Онъ вернулся къ себѣ на югъ, и вскорѣ о немъ заговорили, — столько силы и солнца было въ его степныхъ пейзажахъ.

Передвижники поспѣшили пригласить его въ свое товарищество, что дѣлалось обыкновенно съ большимъ разборомъ и давалось «выслугою лѣтъ». Кузнецову-же, этому баловню судьбы, все давалось легко и шутя.

Его степные ландшафты, то обвѣянные сумерками, то лѣниво-дремотные отъ зноя, съ бѣгущими безъ конца далями, восторженно встрѣчены были и критикой и обществомъ.

Но Кузнецовъ не почилъ на лаврахъ. Его тянуло на Западъ, и каждый годъ проводилъ онъ около двухъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, увлекаясь французской школой, выставляя свои картины въ салонахъ и въ этихъ же самыхъ салонахъ приобрѣтая лучшія вещи, изъ коихъ мало по малу создавалась цѣлая галлерея, украшавшая кузнецовскій особнякъ въ Одессѣ.

Особнякъ былъ достопримѣчательностью

всего Новороссійскаго края. Его посѣщали, его изучали, какъ музей.

Тамъ же работалъ Кузнецовъ въ двухъ мастерскихъ, большой и малой; тамъ же отдыхалъ въ кругу семьи.

Не оставляя пейзажа, Николай Дмитриевичъ мало по малу специализировался въ портретной живописи, чему способствовала имѣвшая подругой терпѣливая модель въ лицѣ очаровательной дочери-подростка, тогда Маруси, а впоследствии знаменитой оперной пѣвицы, Маріи Николаевны Кузнецовой-Бенуа.

На протяженіи многихъ лѣтъ Кузнецовъ написалъ болѣе пятидесяти портретовъ дочери. и всегда это было ново и полно разнообразія. Декоративные, во весь ростъ, съ царственной фигурой и на царственномъ фонѣ портреты смѣнялись не-колѣнными, смѣнялись овальными бюстами и тончайшими миниатюрами.

Каждый изъ этихъ портретовъ привлекалъ дамъ-заказчицъ, и одесская знать едва-ли не въ очередь записывалась для позированія, какъ это было очень давно, въ расцвѣтѣ славы Константина Маковского.

Кузнецовъ получалъ за портреты около пяти тысячъ рублей — рѣпинскій гонораръ и, пожалуй, еще сѣровскій.

Одно время, въ девяностыхъ годахъ, когда была реформирована Академія Художествъ, Кузнецовъ, уже академикъ, приглашенъ былъ Великимъ Княземъ Владиміровъ Александровичемъ, президентомъ Академіи Художествъ, въ профессора батальнаго класса.

Но и здѣсь сказался болѣе всего баринъ и менѣе всего чиновникъ. Кузнецова хватилъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ профессуры, а затѣмъ снова потянуло на югъ, къ своимъ тучнымъ черноземнымъ полямъ, въ свои напоенныя свѣтомъ мастерскія.

Вмѣстѣ съ серебряной сѣдиною въ черныхъ густыхъ волосахъ, все росла и росла извѣстность. Картины Кузнецова уже украшали царскіе и великокняжескіе дворцы, особняки Шереметьевыхъ, Строгановыхъ, Орловыхъ - Давыдовыхъ, Юсуповыхъ...

Счастливымъ своимъ несокрушимымъ здоровьемъ, своимъ творчествомъ, своимъ матеріальнымъ достаткомъ, своею славою и семейными радостями, Кузнецовъ достигъ рѣдкой, завидной,

мало кому выпадающей на долю, старости. Но революционный вихрь все закружилъ, вспѣнилъ, разрушилъ, не оставивъ камня на камнѣ. Картинная галлерей, которой тѣсно было въ нѣсколькихъ десяткахъ громадныхъ залъ, свернутая, упакованная, спѣшно вывезена была изъ красной Одессы, а особнякъ въ нѣсколько дней былъ разворованъ и загаженъ большевиками.

Кузнецовъ очутился въ Парижѣ и, все еще бодрый, жизнерадостный, не взирая на свои почти восемьдесятъ лѣтъ и на свое разоренье, написалъ цѣлый рядъ заказныхъ портретовъ. Это были его первые портреты, дававшие средства къ жизни.

Сынъ Николая Дмитриевича, инженеръ-технологъ, и младшая дочь, по мужу Гросуль-Толстая, эвакуированные въ Сербію, поселились въ Сараевѣ. Кузнецовъ поѣхалъ туда, къ нимъ, въ боснійскую глушь. Но Король Александръ, узнавъ о пребываніи въ его странѣ маститаго русскаго художника, пригласилъ его ко Двору. Николай Дмитриевичъ написалъ нѣсколько портретовъ Ихъ

Величествъ, Престононаслѣдника Петра, а Королева Марія занималась нѣкоторое время живописью подъ его руководствомъ и наблюденіемъ. Въ Дубровникѣ Кузнецовъ написалъ великолѣпный портретъ госпожи Пашичъ — строгая и стильная гамма въ черномъ.

И вотъ, минулъ годъ, и телеграфъ принесъ вѣсть о кончинѣ Николая Дмитриевича.

Оборвалась одна изъ самыхъ пышныхъ, одна изъ самыхъ великолѣпныхъ жизней.

Вѣрной, любящей подругой на протяжении полувѣка была осиротѣвшая теперь супруга Николая Дмитриевича — благороднѣйшее существо, дивной души и великаго сердца. Это была не только идеальная жена и рѣдчайшая мать, цѣликомъ отдавшаяся своимъ дѣтямъ, но и чуткій отзывчивый человекъ, никогда не проходившій мимо людскаго горя.

Да поможетъ Господь Богъ перенести выпавшую ей тягчайшую утрату.

Ник. Брешко-Брешковскій